

**«ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС»
В СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
1920-х ГОДОВ
(по материалам
консульства
СССР в Кёнигсберге)**

Ю. В. Костяшов*

Анализируются отношения СССР и Германии в 1925—1930 гг. на основе неизвестных ранее документов советского консульства в Кёнигсберге из Архива внешней политики Российской Федерации. Рассматривается роль «польского фактора», который во многом определял характер двусторонних отношений. Документы консульства свидетельствуют, что советская дипломатия стремилась использовать в своих интересах противоречия между Польшей и Германией по большому кругу вопросов (геополитическая ситуация Восточной Пруссии, положение национальных меньшинств, проблема транзита через Польский коридор, статус Вольного города Данцига и др.). Советские консулы очень внимательно следили за развитием политической жизни в Кёнигсберге и всей провинции, обращали внимание, с одной стороны, на рост националистических и фашистских настроений, а с другой — констатировали желание восточнопрусской политической и деловой элиты развивать экономическое сотрудничество с Советским Союзом. Народный комиссариат по иностранным делам стремился сделать Восточную Пруссию лоббистом СССР при общегерманском правительстве. Эти планы в то время не были реализованы, но идеи 20-х гг. о сотрудничестве двух стран на антипольской основе отчасти были воплощены в жизнь накануне Второй мировой войны.

Ключевые слова: международные отношения, польский вопрос, СССР, Германия, консульство, Кёнигсберг, Польский коридор, Вольный город Данциг, 1920-е гг.

В последние годы опубликовано немало документов и фактов, которые свидетельствуют о том, что характер советско-германских отношений межвоенного периода во многом

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 31.05.2013 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2013-3-10

© Костяшов Ю. В., 2013

определялся «польским фактором». Оба государства считали несправедливыми и не могли примириться с установленными после Первой мировой войны границами Польши, зафиксированными Версальским (1919 г.) и Рижским (1921 г.) договорами [1—3]. Их явная или скрытая враждебность по отношению ко Второй Речи Посполитой создавала естественную почву для сотрудничества и взаимодействия на международной арене.

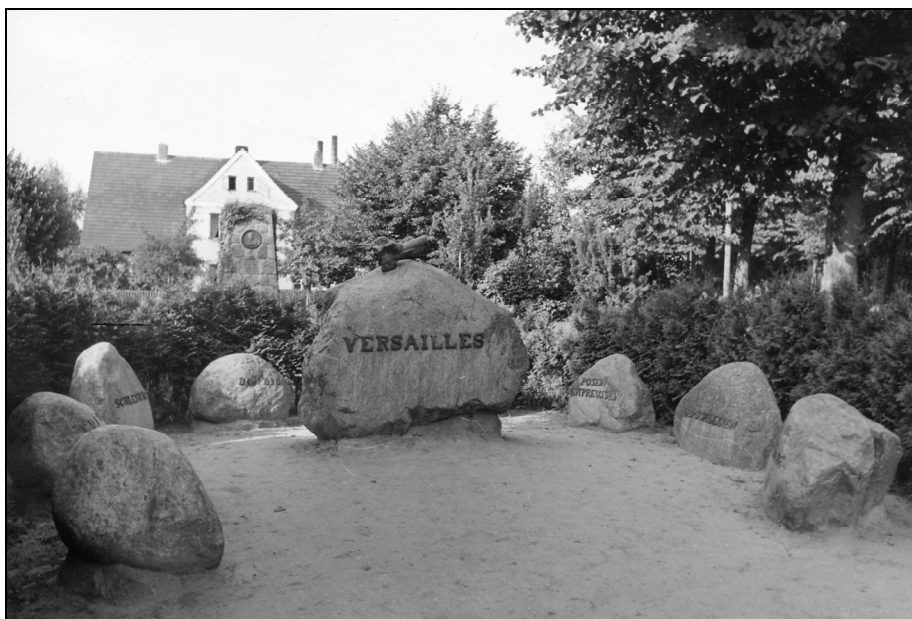

Рис. 1. Памятный камень в Пальмникене (современный пос. Янтарный), посвященный Версальскому договору 1919 г. 1930-е гг. Архив визуальной информации Восточной Пруссии (Bildarchiv Ostpreußen)

Об этом несохранившемся до наших дней памятнике есть рассказ ветерана Великой Отечественной войны Николая Исааковича Пашковского: «В поселке Янтарном стоял памятник немецким солдатам, погибшим в годы Первой мировой войны, с портретом Гинденбурга наверху. Перед памятником был установлен камень, на котором было начертано «Версальес», а над ним — скульптурное изображение занесенной руки с кинжалом. Вокруг — несколько камней поменьше, на них были выбиты названия немецких провинций, отторгнутых от Германии по Версальскому договору 1919 года. Я был просто поражен, настолько продуманной и изобретательной была немецкая пропаганда. Ведь этот знак сильно воздействовал на национальные чувства; его смысл — покончить с Версальской системой и возродить Великую Германию!» [11, с. 166].

На заседании политбюро ЦК ВКП(б) 9 апреля 1925 г. при рассмотрении международной ситуации Польша была названа в числе тех немногих государств, которые представляли для СССР «непосредственную угрозу». При этом было решено «в отношении Германии максимально использовать противоречия с Францией и, главным образом, с Польшей» [4, с. 18—19].

Обнаруженные автором этих строк неизвестные ранее документы советского консульства в Кёнигсберге дают возможность дополнительно пролить свет на расстановку сил и характер складывавшихся в тот период отношений в Балтийском регионе. Новые документы интересны прежде всего тем, что отражают господствовавшие в советском руководстве, и в особенности в Наркомате по иностранным делам СССР (НКВД), взгляды на «польскую проблему», а также помогают лучше понять «польскую политику» Веймарской республики. Кроме того, будучи частью внешнеполитического ведомства, советское консульство в Восточной Пруссии само в какой-то степени влияло на формирование позиции НКВД по отношению к Польше.

Официальное открытие консульства СССР в Кёнигсберге состоялось в феврале 1924 г. на основе соглашений, достигнутых при заключении Рапалльского договора [5]; в марте 1928 г. его статус был повышен до генерального. За время существования Веймарской республики на консульском посту в Восточной Пруссии сменилось пять руководителей¹. В своих донесениях в различные отделы наркомата и другие правительственные учреждения, а также в переписке с полпредством в Берлине консулы затрагивали самые разные темы, прямо или косвенно связанные с Польшей. В первую очередь это касалось общей характеристики политических настроений в Восточной Пруссии, которая определялась как «самая реакционная немецкая провинция». Консул Е. Д. Кантор 24 апреля 1925 г. писал полпреду в Берлине Н. Н. Крестинскому:

Восточная Пруссия, этот оплот германской реакции, в значительной степени живет воспоминаниями о былых экономических связях с Россией и надеждами на восстановление таковых... В ожидании этого будущего мы можем быть заинтересованы в поддержании такого здешнего настроения в отношении СССР, которое может создать почву для определенного политического влияния в гнезде юнкерства. Мне кажется, что это настроение *ожидания* следовало бы поддерживать и личной политикой и кое-какими мероприятиями политико-экономического характера [6, оп. 5, д. 159, л. 127—127 об.].

Какого рода планы вынашивались в недрах НКВД по отношению к Восточной Пруссии, видно из тезисов доклада того же консула, подготовленных в конце 1925 г. Анализируя политическую ситуацию в крае, Кантор конкретизирует свой тезис, указывая на «насыщенность провинции националистическими и фашистскими организациями», ее крайнюю милитаризацию («почти каждый помещичий двор представляет собой военную ячейку, система имеющих военное значение озер, тайные военные склады и пр.»). Но еще важнее, на взгляд консула, «обострение национальной ненависти к Польше и в связи с этим усиливающийся интерес и даже симпатии [к ней] в СССР, вплоть до правых кругов» [6, оп. 5, д. 159, л. 237—240].

¹ Юлиан Семенович Бошкович (1923—1925), Езекиль Давыдович Кантор (1925—1928), Григорий Константинович Меерзон (1928—1930), Фридрих Вильгельмович Линде (1930—1932), Соломон Донович Сметанич (1932—1934).

Об этом же три года спустя писал в секретной записке в полпредство генеральный консул Г. К. Меерзон. Рассказывая о поездке по консульскому округу в ноябре 1928 г., он «повсюду встречал необычайно теплый прием, которому был придан демонстративно ярко-политический антипольский и советофильский тон». В Эльбинге ему жаловались «на тяжелое положение промышленности и торговли, вызванное отсутствием хозяйственных связей с СССР». Его уверяли, что провинция «ощущает острую нужду в советском лесе, нефти, машинном масле, щетине, конском волосе и т. д. "Мы не хотим иметь дело с поляками. Мы хотим с вами торговать", — таков был рефрен почти всех речей представителей торговли». К тому же хозяева многократно подчеркивали, что «поляки, по-видимому, опираясь на англичан и пользуясь их капиталами, стремятся к экономическому завоеванию всей восточнопрусской провинции». Генконсула убеждали, что Польша всерьез вынашивает планы аннексии Восточной Пруссии. Свои впечатления от многочисленных встреч с представителями политической и деловой элит Г. К. Меерзон подытожил в виде следующего заключения: «Усиление Польши никоим образом не может быть выгодно СССР. В этом месте интересы Германии и СССР целиком совпадают». Этот совместный интерес, по мнению дипломата, необходимо поощрить, в частности, предоставив восточнопрусским предприятиям советские заказы на строительство судов и приобретая у них другую промышленную продукцию [6, оп. 8, д. 299, л. 62—67].

Взгляды советских дипломатов в Кёнигсберге полностью разделялись и сотрудниками полпредства в Берлине. Посетившие Восточную Пруссию в том же 1928 г. представители советской миссии С. И. Бродовский и Н. Я. Райвид подготовили обширный доклад для наркома Г. В. Чичерина, в котором отметили, что все без исключения партии и группировки провинции — от коммунистов до фашистов — «настроены чрезвычайно русофильски», что они повсюду чувствовали себя «как бы среди друзей», что местные жители «объяснялись нам в любви». Они подчеркивали, что восточнопрусская элита недовольна политикой правительства Германии, недостаточно занимающегося созданием условий для развития двустороннего экономического сотрудничества. Вместе с тем везде ощущалась «бешеная, прямо-таки животная ненависть к полякам». По мнению авторов доклада, необходимо использовать эти настроения для того, чтобы «Восточная Пруссия оказывала нажим на германское правительство по вопросам его русской и польской политики», для чего при распределении крупных заказов следует отдавать предпочтение местным предприятиям [7, с. 50—52]. Этот тезис «о форсировании интереса к Восточной Пруссии» нашел всестороннюю поддержку в Отделе Центральной Европы НКВД, который объявил о начале его практического осуществления [6, оп. 8, д. 299, л. 50].

Польша рассматривалась в Москве и в качестве экономического конкурента. Особенно это касалось такой традиционной для России статьи экспорта, как древесина, ведь до войны вся лесная промышленность Восточной Пруссии (31 деревообрабатывающий завод) работала

исключительно за счет русского леса [8, с. 68]. В подготовленной в Наркомате внешней торговли в августе 1925 г. докладной записке говорилось, что большая часть поступающего на склады Кёнигсберга древесного сырья закупается в Польше, поэтому надлежит принять срочные меры для вытеснения опасного конкурента с восточнопрусского лесного рынка [9, л. 21—23].

Выстраивая стратегию и тактику противодействия политике Второй Речи Посполитой, в НКВД считали весьма важным использовать польско-германские противоречия вокруг Данцига и Польского коридора. Этот вопрос напрямую касался консульства в Кёнигсберге, занимавшегося «по совместительству» обслуживанием жителей Вольного города Данцига (до открытия там отдельного консульства), в котором нашли приют тысячи русских белоэмигрантов и который Е. Кантор называл «центром международного шпионажа» [6, оп. 5, д. 159, л. 332 об.].

По мнению консула, отделение Восточной Пруссии от остальной территории Германии Данцигским коридором оказалось тяжелейшим ударом для экономики самой восточной немецкой провинции, породив тем самым острый конфликт в двусторонних отношениях. Е. Кантор писал в Берлин полпреду Н. Н. Крестинскому 18 октября 1926 г.:

Правящая Польша великолепно сознает невозможность надолго сохранить нынешнюю коридорную аномалию. Но как же польский национализм решает эту проблему? Ответ его спор и решителен. Необходимо совершенно отторгнуть Восточную Пруссию от Германии и присоединить ее к Польше» [6, оп. 6, д. 199, л. 289].

Дипломат описывает способы реализации вышеуказанной цели, к которым прибегает Польша: «довольно интенсивная пропаганда»; создание разного рода объединений соотечественников; издание брошюр и газет; раздача дешевых кредитов; поддержка польских школ и других культурных учреждений; препятствия в передвижении немцев через коридор и пр. Эта работа «польской оффензивы»², по наблюдениям Е. Д. Кантора, вызывает в Восточной Пруссии большую тревогу, а ее жители отчетливо чувствуют «грозящую им опасность» со стороны своего южного соседа [6, оп. 6, д. 199, л. 288].

В подкрепление им приводились факты возмутительного поведения польских пограничников при пересечении иностранцами Данцигского коридора, включая и случаи избиения советских граждан [6, оп. 5, д. 159, л. 123]. Кроме того, предлагалось пойти навстречу просьбе президента Сената Данцига о том, чтобы самолет компании «Дерулюфт», совершающий регулярные полеты по маршруту Москва — Кёнигсберг — Берлин, делал посадку в Данциге, что «явилось бы с нашей стороны красивым жестом», к тому же «не лишенным политического интереса» [6, оп. 8, д. 299, л. 1—4 об.].

² Использованный в советской печати того времени собирательный термин для обозначения разведывательных и диверсионных спецслужб Второй Речи Посполитой.

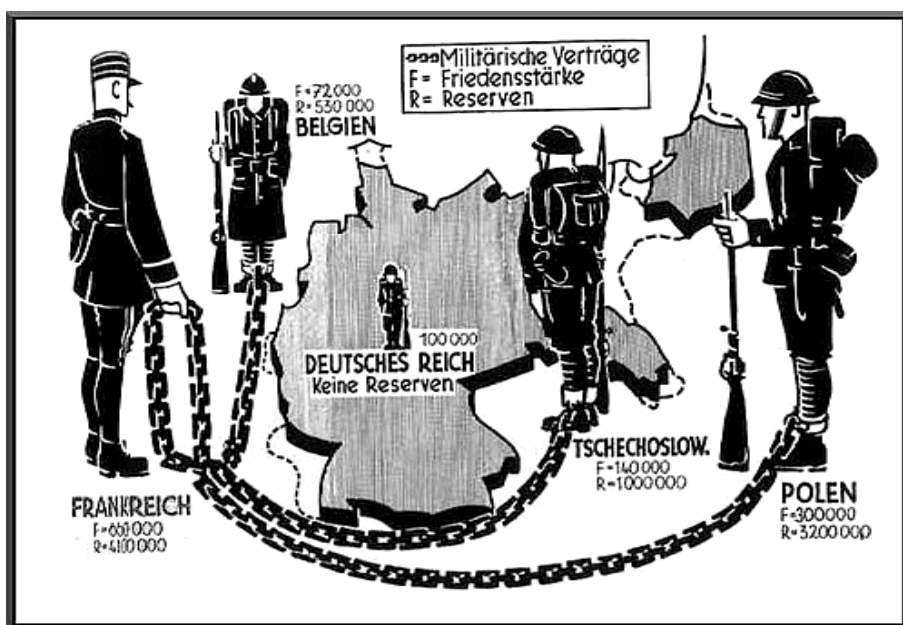

Рис. 2. Немецкий пропагандистский плакат 1920-х гг., отражающий ограничения численности вооруженных сил Германии, наложенные Версальским договором 1919 г., по сравнению с армиями соседних стран

Принципиальное значение для понимания позиции советских дипломатов в Кёнигсберге имеет еще одна докладная записка Е. Д. Кантора, составленная по запросу полпредства в Берлине 31 декабря 1925 г. Поводом для нее послужила публикация книги бывшего польского консула в Кёнигсберге Станислава Сроковского «Из страны Черного Креста» [10]. Автор записки так характеризует содержание этого сочинения:

Основная мысль автора состоит в том, что сохранение за Польшей Данцигского коридора обязательно требует перехода к ней всей Восточной Пруссии. С этой основной мыслью связывается целый ряд проектируемых автором мероприятий, направленных к экономическому обесилению Восточной Пруссии с тем, чтобы довести последнюю до сознания необходимости присоединения в Польшу. Надобно думать, что точка зрения Сроковского разделяется и официальными польскими кругами [6, оп. 6, д. 199, л. 60—62].

Кантор ссылается при этом на высказывание Р. Дмовского³, который еще в 1918 г. заявлял, что «для Польши коридор не имеет значения, если она при этом не получает Восточную Пруссию». Он также

³ Роман Дмовский (1864—1939) — польский политический деятель, лидер Национально-демократической партии, создатель и руководитель Польского национального комитета, представитель Польши на Парижской мирной конференции 1919—1920 гг.

цитирует речь С. Грабского⁴ на приеме в Варшаве для соотечественников из прусской Вармии: «Польша не сможет чувствовать себя удовлетворенной, пока польский флаг не будет развеваться на башне Кёнигсбергского замка» [6, оп. 6, д. 199, л. 60—62].

Ссылаясь на материалы прессы и собственные источники информации, Кантор далее пишет, что поляки создали в Восточной Пруссии (с резиденцией в Алленштайне) пропагандистскую организацию «Союз поляков в Восточной Пруссии» под руководством Яна Бачевского⁵. По словам консула, 600 активистов этого объединения «находятся в связи с Познанью и Варшавой». Кроме того, в провинции действуют Союз защиты польских интересов на Мазурах, Союз спасения мазуров, издается специальная газета под девизом «Мазуры для мазуров» и т. п. Польский курс по отношению к этой немецкой провинции Кантор определяет как «политику изолирования от остальной Германии». Именно в ответ на это прусский ландтаг принял так называемую «Восточно-Прусскую программу». Кантор также сообщает о посещении Восточной Пруссии делегацией из 35 депутатов рейхстага, которая изучала возможности укрепления здесь немецкой культуры «как оплота против славянства» (т. е. против Польши). В заключение он высказывает мнение о целесообразности использовать эти настроения и эту программу в интересах СССР и предлагает созвать специальное совещание с участием всех заинтересованных министерств и ведомств [6, оп. 6, д. 199, л. 61, 229]. Такое совещание состоялось в НКВД 8 декабря 1928 г., уже после назначения генконсулом в Кёнигсберге Г. К. Меерзона. Оно было посвящено развитию экономических связей с Восточной Пруссией «под политическим углом зрения» [7, с. 54—55].

Советские дипломаты очень внимательно следили за развитием политической жизни провинции, подробно описывая наиболее значимые события, постоянно акцентируя внимание на росте влияния фашистов, которые являлись самыми яркими противниками Польши. В своем отчете в НКВД от 9 июня 1925 г. Е. Кантор уделил пристальное внимание слету местного отделения «Стального шлема»:

23—24 мая в Кёнигсберге происходил слет восточнопрусских организаций фашистского Штальгельма⁶. Помещики-работодатели приняли активное участие в организации слета: они давали средства своим рабочим на проезд в Кёнигсберг и на приобретение соответствующей формы. Съехалось около 6000 человек. Город был разукрашен национальными флагами, арками и транспарантами с надписями «фронтгейль»⁷, а население

⁴ Станислав Грабский (1871—1949) — польский государственный деятель, в 1923, 1925—1926 гг. министр образования и религии, сторонник политики колонизации немцев и других национальных меньшинств.

⁵ Ян Бачевский (1890—1958) — польский политический деятель в Германии, в 1922—1928 гг. депутат прусского ландтага от польского национального меньшинства.

⁶ «Стальной шлем» (нем. *Stahlhelm*) — германская монархическая организация бывших участников Первой мировой войны.

⁷ Front Heil — форма приветствия членов «Стального шлема».

шпалерами⁸ стояло вдоль улиц, по которым проходили процессии. Руководитель Штальгельма Франц Зелдте сообщил, что Штальгельм насчитывает во всей Германии до 1 миллиона членов: «Наша цель — иметь во главе государства человека, который пойдет по нашему пути... создать крепкую, обороноспособную страну. Мы не признаем существования отрыва Восточной Пруссии от прочей Германии Данцигским коридором». Слет в общем прошел спокойно, при полном содействии местной власти и полиции [6, оп. 5, д. 159, л. 147].

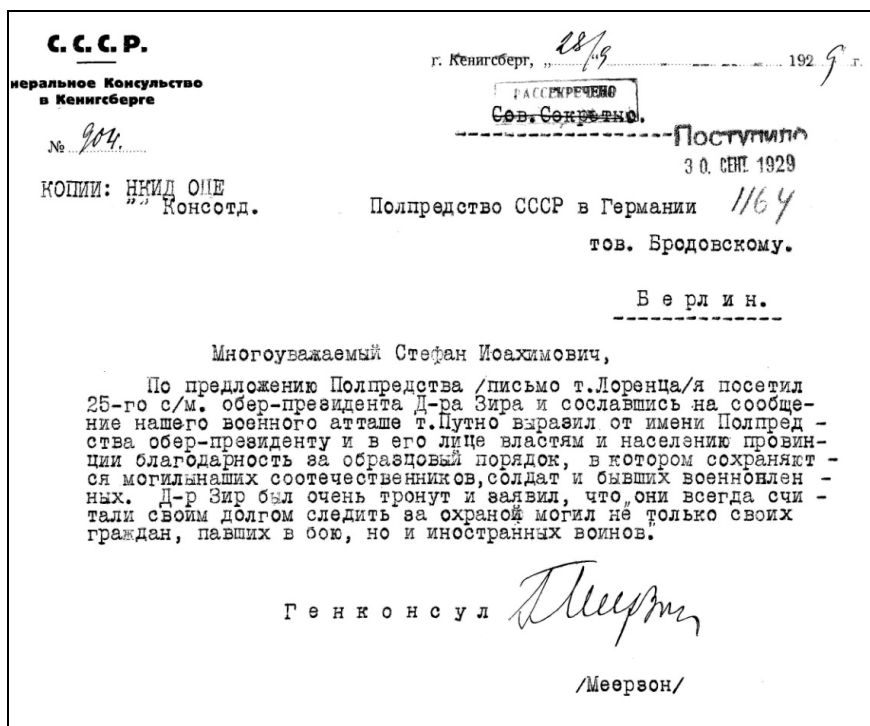

Рис. 3. Письмо генерального консула в Кёнигсберге Г. К. Меерзона в полпредство СССР в Берлине от 28 сентября 1929 г. с информацией о состоянии захоронений в Восточной Пруссии русских солдат, погибших в годы Первой мировой войны [6]

В написанном позже докладе «Политические партии Восточной Пруссии» Кантор определяет число членов местных фашистских и полуфашистских организаций в 40—50 тыс. человек. Их влияние, пишет он, «глубоко проникло в школу и в юношество, почти все школьники города Кёнигсберга носят на своих фуражках фашистские значки — до того это стало здесь бытом». Консул подчеркивает, что именно оторванность провинции от Германии и территориальные притязания Польши «значительно углубляют и расширяют базис фашистских организаций». При этом он отмечает «дружелюбное отношение фашистских организа-

⁸ Шеренгами.

ций Восточной Пруссии к СССР», которое объясняется «ожиданием неминуемой борьбы с Польшей, в каковой СССР должен оказаться по общим расчетам союзником Германии» [6, оп. 5, д. 159, л. 274].

Многokrатно обращая внимание на «обостренную ненависть к Польше», культивируемую восточнопрускими властями и общественностью, в особенности «гитлеровцами», которая создает благоприятные возможности для развития советско-германского сотрудничества, Е. Кантор все-таки один раз прозорливо заметил, что «в определенный момент этот фашистский кулак может быть направлен и против нас» [6, оп. 5, д. 159, л. 335].

В заключение следует отметить, что при разработке политики по отношению к Восточной Пруссии, в чем самое непосредственное участие принимали сотрудники консульства СССР в Кёнигсберге, советская сторона руководствовалась почти исключительно политическими мотивами. В НКВД считали, что польско-немецкие противоречия, связанные с положением национальных меньшинств, проблемой Вольного города Данцига и Польского коридора, являются хорошим поводом для создания общей линии противодействия Польше, которую и в Германии, и в Советском Союзе склонны были рассматривать как своего вероятного противника. В Москве надеялись, что спекуляции на геополитических проблемах Восточной Пруссии и заинтересованность ее деловых кругов в интенсификации экономических связей с СССР сделают местную политическую элиту своеобразным лоббистом СССР при общегерманском правительстве. Этот план в 1920-е гг. не был реализован, но наработанные в тот период идеи оказались востребованы позднее, во время предвоенного международного кризиса, облегчив путь к советско-германскому сближению в августе 1939 г.

Автор выражает благодарность Германскому историческому институту в Москве за предоставленную возможность проведения архивных изысканий в центральных российских архивах.

Список источников и литературы

1. Горлов С. А. Советско-германское военное сотрудничество в 1920—1933 гг. // *Международная жизнь*. 1990. № 6. С. 107—124.
2. Случ С. Германия и СССР в 1918—1939 годах: Мотивы и последствия внешнеполитических решений // *Россия и Германия в годы войны и мира*. М., 1995. С. 26—95.
3. *Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия*. М., 2001.
4. *Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений в 1923—1944 гг.* М., 1997.
5. Костяшов Ю. В. Об учреждении и начальном этапе деятельности советского консульства в Кёнигсберге (1923—1925 гг.) // *Балтийский регион*. 2012. № 2. С. 58—68.
6. *Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)*. Ф. 0165.

7. Костяшов Ю.В. Еще раз о визите делегации из Восточной Пруссии в СССР в 1929 году // Калининградские архивы. Калининград, 2012. Вып. 9. С. 48—60.
8. Краткий обзор донесений императорских российских консульских представителей за границей за 1914 год. Пг., 1915.
9. Российский государственный архив экономики. Ф. 413. Оп. 10. Д. 916.
10. Srokowski S. Z krainy Czarnego Krzyża. Poznań, 1925.
11. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. СПб., 2002.

Об авторе

Юрий Владимирович Костяшов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: kostyashov55@mail.ru

THE “POLISH QUESTION” IN SOVIET-GERMAN RELATIONS IN THE SECOND HALF OF THE 1920S (BASED ON THE MATERIALS OF THE USSR CONSULATE IN KÖNIGSBERG)

Yu. Kostyashov

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on May 31, 2013

On the basis of earlier unknown documents of the Soviet consulate in Königsberg retrieved from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation, the author analyses relations between the USSR and Germany in 1925—1930. The author focuses on the role of the “Polish question”, which largely affected the nature of bilateral relations. The consulate documents indicate that Soviet diplomacy aspired to exploit the differences between Poland and Germany over a wide range of issues (the geopolitical situation of East Prussia, the position of national minorities, the problem of transit through the Polish corridor, the status of the Free city of Danzig, etc.). Soviet consuls carefully observed political life in Königsberg and the province. On the one hand, they paid attention to an increase in the nationalist and fascist attitudes. On the other hand, they emphasized the aspirations of the local political and business elite to develop economic cooperation with the Soviet Union. The People's Commissariat for Foreign Affairs tried to transform East Prussia into a Soviet lobby in the German government. These plans were not implemented at that time, but the 1920s ideas of cooperation between the two states on the anti-Polish basis were put into practice on the eve of World War II.

Key words: international relations, ‘Polish question’, USSR, Germany, consulate, Königsberg, Polish corridor, Free city of Danzig, 1920s

References

1. Gorlov, S.A. Gorlov, Sovetsko-germanskoe voennoe sotrudnichestvo v 1920—1933 gg. [The Soviet-German military cooperation in the years 1920—1933], *Mezhdunarodnaja zhizn'* [International living], no. 6, p. 107—124.
2. Sluch, S. 1995, Germanija i SSSR v 1918—1939 godah: Motivy i posledstvija vnesh-nepoliticheskikh reshenij [Germany and the USSR in the years 1918—1939: Motives and consequences of external non-political decisions]. In: *Rossija i Germanija v gody vojny i mira* [Russia and Germany during the war and peace], Moscow, Geya, p. 26—95.
3. *Sovetsko-pol'skie otnoshenija v politicheskikh uslovijah Evropy 30-h godov XX stoletija* [The Soviet-Polish relations in the political conditions of Europe 30-ies of XX century], 2001, Moscow, Nauka.
4. *Materialy «Osoboj papki» Politbjuro CK RKP(b) — VKP(b) po voprosu sovetsko-pol'skikh otnoshenij v 1923—1944 g* [Materials "Special Folders" the Politburo of the Central Committee of the RCP (B.) — VKP (b) on the issue of Soviet-Polish relations in the years 1923—1944], 1997, Moscow, Tseslav.
5. Kostyashov, Yu. V. 2012, On the establishment and early activity of the Soviet consulate in Königsberg (1923—1925), *Balt. Reg.*, no. 2, p. 44—52, doi: 10.5922/2079-8555-2012-2-5.
6. *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii* [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], F. 0165, Op. 5, D. 159. L. 127—127.
7. *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii* [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], F. 0165, Op. 8, D. 299.
8. Kostyashov, Yu. V. 2012, Eshhe raz o vizite delegacii iz Vostochnoj Prussii v SSSR v 1929 godu [Once again, the visit of a delegation from East Prussia in the USSR in 1929], *Kaliningradskie arhivy* [Kaliningrad archives], no. 9, p. 48—60.
9. *Kratkij obzor donesenij imperatorskikh rossijskikh konsul'skikh predstavitelej za granicej za 1914 god* [A brief review of the reports of the Imperial Russian consular representatives abroad for 1914]. Pg., 1915.
10. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv jekonomiki* [Russian State Archive of the Economy], F. 413, Op. 10, D. 916.
11. *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii* [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], F. 0165, Op. 6, D. 199.
12. Srokowski, S. 1925, *Z krajny Czarnego Krzyża*, Poznań.
13. *Vostochnaja Prussija glazami sovetskikh pereselencev. Pervye gody Kaliningradskoj oblasti v vospominanijah i dokumentah* [East Prussia through the eyes of Soviet immigrants. The first years of the Kaliningrad region in the memoirs and documents], 2002, Saint Petersburg, Belvedere.

About the author

Prof. Yury Kostyashov, Department of History, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: kostyashov55@mail.ru